

Мэри
КВИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НОВАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ

Мари Квин

Новая реальность

«Автор»

2026

Квин М.

Новая реальность / М. Квин — «Автор», 2026

Кристалл Этвуд бывшая участница реалити-шоу. Дива, живущая кастингами и попытками покорить Голливуд. Фрэнк Маршалл боец ММА. Скандалист, смывающий талант и репутацию в унитаз вместо подготовки к реваншу с главным соперником. Одна пьяная выходка сведет их дорожки вместе. И на этом пути они получают шанс помочь карьере и себе, если не убьют друг друга, оказавшись в пиар-романе.

© Квин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Водка, пробка и желтая пресса	5
Глава 2. Мышь-командир, смазка и важность обеления	9
Глава 3. Злость против похмелья, реагировал и идиот	13
Глава 4. Спасение мужиков, сраная фиалка и пожелания для сна	16
Глава 5. Бесит, шоу и разминка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мари Квин

Новая реальность

Глава 1. Водка, пробка и желтая пресса

Кристалл

Водка и хлопья – идеальное сочетание.

Эта мысль приходит мне каждое утро, когда я роюсь в пустом холодильнике, пытаюсь соорудить что-то напоминающее завтрак. И кто, черт возьми, вообще решает, что с утра нельзя пить? Будь по-моему – мир стал бы куда спокойнее. Особенно пробки из Сан-Фернандо в Голливуд.

И какого дьявола я, человек, рожденный для неоновых огней и вечеринок до рассвета, оказываюсь в этом унылом спальном районе?

Успешный сезон «Холостяка» – рейтинги взрывали, предложения посыпались, но жаль, что не того уровня, которого бы мне хотелось. Я, наверное, одна из немногих, кто реально радуется уходу с шоу. Смешно, правда? Эти наивные курицы приходят «искать любовь» и не понимают, что главное – засветиться.

«Но, Кристалл, это просто ты ничего не понимаешь» – от этой фразы у меня уже рвотные позывы.

Вроде бы все неплохо: никаких обязательств с каким-нибудь скучным мужиком, зрители либо обожают, либо ненавидят – середины нет. Много экранного времени, имя на слуху. Цель достигнута. Так почему же я до сих пор торчу в этой вонючей однокомнатной конуре на задворках Лос-Анджелеса? Вопрос, который заставляет меня каждое утро думать, что водка – неплохой допинг ко всему. Потому что, давайте будем честны – это не глупость, а аксиома.

Дерьмовые роли, шоу третьего сорта – моя унылая жизнь, которая каждый день (ну, или через день-два) возвращала меня в не менее унылую квартиру, где только мысль о водке в еде помогала держаться на плаву, чтобы сильно не расстраиваться тому, что это я еще хорошо устроилась. Денег хватало хотя бы на аренду и прочие радости жизни.

Сегодня – очередной кастинг на другом конце города. Терпеть сальные взгляды очередного жирного продюсера с отвисшей челюстью и стояком, чтобы потом узнать: «Им нужна черная девица для разнообразия». Иногда ловлю себя на мысли, что стоит притвориться лесбиянкой – вдруг впишусь в новые «инклюзивные» стандарты Голливуда? Но эти тоже давно сидят на кожаных креслах, потеют в дорогих пиджаках... и от одной мысли остаться с ними наедине в закрытом кабинете мне становится не по себе.

Но даже в таком раскладе – Кристалл Этвуд сияет ярче солнца. Потому что я слишком хороша, чтобы тухнуть в этом сером болоте.

Укладка – как на «Оскар». Черные стрелки, алые губы, топ с американской проймой, юбка с разрезом до бедра и босоножки на шпильке. Если бы я была мужчиной, то от одного взгляда на свое отражение моментально возбудилась бы. Но я лишь посылаю себе воздушный поцелуй и направляюсь к своему старому «Форду» – надо успеть на кастинг.

Пробы на роль школьной королевы-сучки? Это точно про меня.

Хорошо хоть, что в Голливуде в двадцать пять можно спокойно играть старшеклассницу.

– Засунь себе этот палец в задницу и покрути! Может, кончишь и заткнешься наконец! – ору в открытое окно какому-то уроду на «Тойоте», который еле ползет по полосе, будто впервые за рулем, и при этом умудряется что-то кричать мне.

Солнце уже стоит высоко, выжигая асфальт, а воздух над шоссе дрожит от выхлопов жары. Вокруг – бесконечная змея из машин: припаркованных «Тесл», потрепанных пикапов, грузовиков с рекламой протеиновых батончиков и фургонов с надписями «Organic Juice Delivery». Кто-то давит клаксон – раз, два, три – и понеслось: хор раздраженных гудков, будто весь Лос-Анджелес решает сегодня выразить свое недовольство одним и тем же звуком.

Кому-то нужны психотерапевты. Мне – дорога. Я выматываю нервы всем встречным, сбрасываю негатив, пока мчусь на кастинг, и к моменту прибытия обычно уже спокойна, как будда. Демоны накормлены, а продюсеры – очарованы моей «естественностью».

Пробка. Конечно, пробка. Хотя я выехала чуть ли не на рассвете! Неужели теперь надо вставать в пять утра, чтобы успеть к десяти?

– Ну давайте же, старые пердуны, жмите педали! – цежу сквозь зубы, вцепившись в руль. Пот стекает по вискам, несмотря на кондиционер, который, кажется, просто дует горячим воздухом из ада. – Вот сейчас бы водку... Выпила бы глоток, а потом засунула бутылку каждому из вас в задницу по очереди.

И тут – бах!

Моргаю, ошарашенно смотрю на багажник спереди и понимаю: кастинг я, конечно, проспала.

– Это моя дорога, сукин сын! – из окна ору я, чувствуя, как волосы прилипают к шее от пота. – Ты должен был пропустить!

Ко мне подлетает парень – лет восемнадцати, белый, как реклама «Crest»¹. Скорее всего, ему еще не продают алкоголь, но он уже мастерски портит чужие утра. В его задницу моментально хочется засунуть что-нибудь острое, но я сдерживаюсь. Все-таки мне еще блистать, а арест может этому сильно помешать.

– Я опаздываю на кастинг! – выплевываю я, будто кому-то, кроме меня, есть до этого дело.

– Простите, м-мисс... – заикаясь, бормочет он, глядя на свою «Хонду» с таким видом, будто вот-вот заплачет. – Мама меня убьет... Сейчас позвоню... Страховка все покроет...

Не то он убеждает меня, не то сам себя. От этой дрожащей истерики становится как-то особенно уныло. Глубоко вдыхаю и вместо воздуха получаю порцию выхлопных газов, смешанных с запахом жареных тако из проезжающего мимо фуд-трака. Посматриваю на время: через двадцать минут начнется кастинг. Доехать – нереально. Бросить машину – нельзя: без нее я тут вообще загнусь. А этот бедолага уже на грани обморока: сейчас или обсохнет, или блеванет прямо на асфальт.

– Сраный день, – шиплю я и замечаю, как он что-то лопочет в телефон, пряча лицо в ладонях.

Еще один вдох, и я вытаскиваю свой смартфон. Пальцы сами набирают сообщение.

Кому: Джен

Сегодня в 10 в Авалоне. Мне это нужно!!!!!!!!!!

Иногда только восклицательные знаки передают всю глубину отчаяния.

Отрываюсь от экрана и вижу, что дохляк смотрит на меня с таким страхом, будто я сейчас выскочу и влеплю ему пощечину.

Ну, может, и влепила бы... если бы не знала, что вечером напьюсь до беспамятства и буду танцевать до потери пульса. А до тех пор – держись, Кристалл. Ты все еще сияешь. Даже в этой адской пробке, где воздух пахнет бензином и разочарованием. Даже после аварии. Даже когда весь мир – одно большое «не сегодня».

¹ **Crest** – торговая марка зубной пасты и других средств по уходу за полостью рта, принадлежащая компании Procter & Gamble.

Весь день держусь только ради этого момента.

Красное платье – не просто яркое, а огненно-алое, будто кричу миру: «Я еще не сдохла! Не дожидетесь!». Укладка – как после съемок обложки. Губы блестят, настроение – взорвать вечер. Что еще нужно в этот сраный летний день, когда все пошло наперекосяк?

«Авалон» – не просто клуб. Это храм гламура, где каждый шаг отдается эхом будущих скандалов. Потолок усыпан LED-звездами, которые мерцают в такт басу. Воздух густой от парфюма, пота, дыма электронных сигарет и чего-то сладковато-химического. За барной стойкой бармены безупречно смешивают коктейли, будто совершают ритуалы для богов, а официантки в обтягивающих черных платьях носят их на подносах, как священные дары.

Мы сидим в VIP-зоне. Но не потому что нас туда пустили (хотя, честно, мой образ сегодня стоит как минимум трех входных), а потому что Джен знает менеджера, который знает менеджера, который когда-то спал с ее кузиной. Так работает Лос-Анджелес.

– Тебя бы все равно не взяли, – заявляет Джен, лениво размешивая коктейль трубочкой, украшенной крошечной золотой пальмой. – Посмотри последние фильмы. Такие роли теперь только у чернокожих. Это типа кармический долг, красotka. Наши предки их угнетали – теперь им дают играть президентов, генералов, богов. Такова киношная политика.

– Дерьмо, а не политика, – хмыкаю я и прикладываюсь к своей водке с тоником. Наконец-то можно пить без зазрений совести. Джен откидывает свои платиновые локоны, случайно задев какую-то девушку за соседним столиком, чья сумка стоит больше моего месячного бюджета. И я снова с завистью оцениваю ее живот: ровный, подтянутый, без единого следа от поздних бургеров. Вот он, плюс постоянных тренировок. Хотя как иначе для тренера по пилатесу?

– Зато у нас есть водка! – Джек поднимает бокал с важным видом. – Выпьем за... Твою мать!

Я знаю это выражение лица. Она увидела какую-то знаменитость

Оглядываюсь и начинаю сканировать толпу. Мимо прошеествовала группа девушек в прозрачных топах и джинсах с дырками там, где должны быть бедра. Где-то в углу смеется парень в очках «Gucci», обнимая девушку. Все стильные, красивые, но я никого не узнаю.

– Фрэнк Маршалл! Разрушитель! Это он!

Имя ничего не вызывает. Хмурюсь, надеясь, что мимика передаст: «Кто, блять, этот Фрэнк?»

– Боец ММА, – шепчет Джен, не отрывая взгляда от дальнего угла, где полумрак встречается с пульсирующим фиолетовым светом. – Тревис, мой бывший, чуть ли не дрочил на него. Мы даже были у него на бое. А я потом следила за его личной жизнью. Полтора года назад его главный соперник увел у него девушку, а потом еще и выиграл у него чемпионский пояс. После этого соперник женился на ней и уехал в закат, как в дешевом сериале. А Фрэнк ушел во все тяжкие. Но теперь они оба в строю. И все ждут реванша.

Я молча делаю глоток и бросаю попытки найти среди посетителей этого Разрушителя. Все равно не узнаю. Сейчас интригует другое: Джен никогда не интересовалась боевыми искусствами. А тут – целая лекция.

– Ходят слухи, – она понижает голос, – что у него даже член забит татуировками до самой головки.

Интересная, конечно, деталь.

– Он вообще не слезает с желтых страниц. Номер в отеле разнес, драки, скандалы... Неужели пропустила?

Ну да, конечно. Мне бы только за тупыми качками следить, пока мои кастинги проваливаются один за другим...

Но этот выпад оставляю при себе и спрашиваю другое:

– Говоришь, *Тревис* на него дрочил? – с сарказмом уточняю я.

Получаю легкий пинок под столом.

– Ауч!

– Скучаете, крошки?

Не успевает Джен ответить, как рядом материализуются два парня с ухмылками уровня «я бог, а вы – мои фанатки». Их спермотоксикоз витает в воздухе, смешиваясь с запахом дорогого одеколона и пота. Один в розовой рубашке с расстегнутыми тремя пуговицами, второй – в брендовой футболке.

– У нас девичник, – спокойно говорит Джен. – Пока.

Моя милашка. Даже таких посылает вежливо.

– Так и спрашиваю: не скучаете? – настаивает первый, подходя ближе.

Ладно, мой черед. По-хорошему не понимаем...

Лениво отпиваю коктейль, осматриваю его с ног до головы и презрительно фыркаю:

– А я тебя знаю. Тот парень идиот, что сплавил такую куклу, – внезапно выдает придурок, сально осматривая меня. Смотри, штаны не испачкай...

– Я знаю, – усмехаюсь я. – Но единственная кукла здесь – это ты, Кен. Понимаешь, почему Кен? Или объяснить? Видимо, про девичник не дошло.

– Сука, – тут же цедит он, видимо, не понимая, как мы не таем от таких подкатов.

Театрально закатываю глаза. Смотрю на Джен: она еле сдерживает смех. Снова перевожу взгляд на него, как на надоевшую рекламу.

– Я знаю, дорогой, – говорю спокойно. – Пошли танцевать? – поворачиваюсь к Джен.

Второй парень фыркает. Джен смеется еще громче. А «Кен» – нет. И тут он хватается меня за руку.

– Отвали! – рявкаю я, вырываясь. – Будет меня тут какой-то придурок хватать своими отростками!

– Я с тобой не закончил! – рычит он, лицо искажается. – Со мной не будет так разговаривать какая-то шлюха из реалити-шоу!

Ага, теперь он не просто король мира – он еще и обиженный король.

Джен уже бьет его сумкой и орет матом, но он просто отталкивает ее и вцепляется в меня обеими руками.

Ну все. Собираюсь уже врезать ему коленом по яйцам, и тут мимо моего лица что-то свистит.

Толпа вокруг отшатывается, как по команде. Даже ди-джей на секунду приглушает бит.

«Кен» лежит на полу, а рядом стоит парень нашего возраста.. Короткий ирокез, татуировки на шее, руках, где только можно. Черная футболка натянута на мускулы, словно вот-вот лопнет. Он выглядит так, будто только что сошел с обложки мужского журнала... или с ринга после боя.

Маршалл?

Залипаю на миг, слыша, что Джен подтверждает мою догадку понимая и вдруг понимаю ее настроение. Но магия момента быстро сменяется возмущением.

– Я бы справилась! Тоже нашел принцессу для спасения.

Но одного взгляда хватает: он пьян. Или не в себе. Хотя если профессиональный спортсмен – скорее первое. Хотя, черт его знает. В наши дни возможно всякое.

Люди уже достают телефоны. Десятки камер направлены на нас. Где-то в углу кто-то уже шепчет: «Это же девчонка из «Холостяка!»

Но мне не до них.

Осторожно тыкаю «Кена» носком туфли. Живой? Наверное. Хотя, если получил по морде от бойца боев без правил, возможно всякое...

Но это я уже, видимо, узнаю из желтой прессы... Все-таки что-то про этого Маршалла я прочту.

Глава 2. Мышь-командир, смазка и важность обеления

Кристалл

Неожиданно выходит...

Это единственная мысль, которая крутится у меня в голове, пока я листаю бесконечные фото и видео, заполонившие сеть после вчерашнего хаоса в «Авалоне». Серьезно? Этот Маршалл – такой кумир? Хотя, похоже, фанатов заводят не его удары в ринге, а то, как он устраивает драки в VIP-зонах.

Джен что-то говорила про реванш... И почему-то становится любопытно.

Растягиваюсь на кровати, как королева, которой лень даже поднять палец, и вбиваю его имя в поиск. Но вместо новостей о боях мне предлагают нечто гораздо интереснее: «Фрэнк Маршалл и Кристалл Этвуд».

Хмм, допустим. Он был ничего. И тут не только магия водки сделала свое дело. Передо мной раскрываются десятки ссылок: кто-то уже объявляет нас парой, кто-то гадает, уехали ли мы вместе.

Да уж, если бы я уехала с ним, проснулась бы не в этой унылой конуре, обнимая подушку вместо человека. Но имя в заголовках, ажиотаж, да еще и рядом с таким красавцем? Не так уж и плохо для девушки, чья последняя роль – «девушка №3» в сериале про полицейских.

Забыв обо всем, тащусь на кухню варить кофе. И тут звонит телефон.

С неохотой тянусь к нему, будто он виноват в том, что у меня нет личного шеф-повара. Незнакомый номер. Наверняка страховщик того придурка, который въехал в меня. От одной мысли, что придется разбираться с этим, хочется раздавить телефон голыми руками. Но новый – не по карману.

– Слушаю, – протягиваю я, будто мне все равно, хотя внутри уже кипит.

– Кристалл Этвуд?

Голос – женский писклявый, как у школьницы, но интонация – будто она сейчас решает, достойна ли я дышать с ней одним воздухом. Честно, лучше бы мне провели ножом по зеркалу – хоть звук приятнее.

– Да. Это я, – вздыхаю. Что поделать – машина нужна, даже если ради этого приходится терпеть голос, от которого сводит челюсти.

– Меня зовут Мэдисон Пайн. Я менеджер Фрэнка Маршалла. Вы вчера виделись в «Авалоне». Нам нужно кое-что обсудить. Будет интересно. Я пришлю машину сегодня в обед. Назови адрес.

Чего?!

Она выпаливает это так быстро, будто читает сценарий, где я – послушная статистка. Какого черта я вообще связана с этим Маршаллом? Может, они решили, что я идеально подойду в ринг-герл? Увольте. Я слишком хороша, чтобы стоять с табличкой «Раунд 3» в микро-бикини.

– Адрес, Кристалл, – уже с легким раздражением повторяет Мэдисон. – У меня нет времени. Все расскажу при встрече.

Странно: такой писклявый голос – и такая железная воля. Может, это ловушка. Может, маньячка в дорогом костюме. Но, черт возьми, я точно должна увидеть эту «мышь-командира» вживую.

Ведь если бы я боялась рисковать, до сих пор жила бы в Колорадо, продавая подписки на йога-ретриты, которые там никому не нужны, и мечтая о Лос-Анджелесе.

Но свой настоящий адрес я, конечно, не называю.

Пусть их загадочная тачка ждет меня на нейтральной территории – скажем, у «Starbucks» на Сансет.

Там, где я все еще могу сбежать, если понадобится.

– Ты вообще в своем уме, Крис?! – верещит Джен, едва я замолкаю.

Ну что ж, инстинкт самосохранения наконец-то просыпается – у меня, а не у нее. Решила все же поделиться планами, и, честно, ее реакция... предсказуемо адекватна. Если бы она выдала мне такое, я бы уже мчалась к ней на такси, чтобы хорошенько потаскать за волосы, а потом, для надежности, привязать ими ее к батарее, чтобы не вздумала лезть в эту историю.

К счастью, Джен – более адекватная, чем я.

– Я сейчас к тебе приеду...

Поправка: наверное, более адекватная...

Невольно провожу ладонью по своим волосам, мысленно оценивая: хватит ли длины, чтобы привязать меня ими к чему-нибудь, если все пойдет совсем не так.

– Джен, – перебиваю я, – все будет ок. Я пишу каждые полчаса, а ты отслеживаешь меня в приложении. Сама же говоришь, что слышала про эту Мэдисон Пайн. Значит, как-то связано со вчерашним.

Она тяжело вздыхает, а я уже застегиваю сумочку. Яркий сарафан на тонких бретельках, разрез до бедра, волосы собраны назад, солнечные очки – такие, будто я только что сошла с обложки «Vogue». В зеркале – как всегда: красотка уровня «если найдут мой труп, он будет выглядеть идеально».

– Главное, чтобы тебя на органы не распотрошили, – бурчит Джен. – Или не затащили на какую-нибудь оргию с масками и шампанским третьего сорта.

– А если шампанское будет хорошим? – смеюсь я, но слышу только недовольное дыхание Джен, поэтому меняю тактику. – Буду осторожна, лапуля, – обещаю я, уже открывая дверь. – При малейшем подозрении – сразу перцовый баллончик. Ты же знаешь: я не из тех, кто дает себя в обиду. Особенно когда на мне такой шикарный сарафан.

Джен тихо фыркает – почти смех.

Неужели отпускает? Хотя... как можно злиться на подругу, которая реально боится, что твою задницу увезут в неизвестном направлении? Наоборот – приятно. Даже тепло внутри.

Но сейчас нельзя поддаваться этому чувству.

Кто знает, может, за углом меня и правда ждет та самая «стремная вечеринка», где вместо закусок подают договоры о неразглашении.

А значит – быть готовой ко всему.

Когда к обочине подруливает черная «Ауди», сверкающая, как новая кредитка без лимита, а из нее выходит мужчина в безупречном пиджаке, я чуть не присвистываю.

– Кристалл Этвуд? – сдержанно спрашивает он, уже открывая мне дверь.

Киваю, отметив про себя: неплохое начало. Спорткар, конечно, мог бы быть и круче – что-нибудь с выхлопом, от которого трясутся бедра, – но все равно это световые годы вперед от моего «Форда», который теперь требует не просто ремонта, а экзорцизма после всего пережитого.

Забравшись в кожаный салон, первым делом пишу Джен и скидываю ей номер машины. На всякий пожарный. Или похоронный.

– И куда мы едем? – спрашиваю у водителя, стараясь звучать небрежно, а не так, будто я впервые в жизни сижу не на заднем сиденье Юбера или в убитой тачке.

– Западный Голливуд, мисс.

Боже, хоть бы он сказал это с каплей эмоций. Хоть бы один раз вздохнул, чихнул, почесал нос – что угодно! Но нет. Сухо, как инструкция к микроволновке. Ладно, Кристалл, не трать энергию на него. Ты сейчас – VIP-груз. Расслабься и наслаждайся тем, что тебя везут, как королеву. Через двадцать минут мы останавливаемся у элитного таунхауса, и интерес момен-

тально удваивается. Чей это дом? Этой «мышь» Мэдисон? Или все-таки Маршалла? Главное – не показать, как меня это завораживает. Потому что да: это именно та жизнь, к которой я стремлюсь. Та, где ты не просыпаешься с вопросом «хватит ли на бензин», а с вопросом «какого цвета Ламборгини сегодня?»

Водитель открывает дверь. Я выхожу с видом, будто делаю это каждый день, небрежно надеваю солнцезащитные очки... и тут вижу ее.

Миниатюрная азиатка. Лицо – без возраста: может быть двадцать пять, а может – больше сорока. Длинные темные волосы в высоком хвосте, светлый брючный костюм, рост – футов пять, не больше. Настоящая мышь. Даже на фоне моих пяти футов шести дюймов я чувствую себя Бэтменом рядом с Робинотом.

Она осматривает меня так устало, будто я уже сто раз опоздала на встречу. От этого хочется дать ей пощечину.

– Можно просто Мэдисон. Мы говорили по телефону. Пошли в дом, – выпаливает она, не отрываясь от планшета.

Интерьер внутри – странный. Светлый минимализм, белые стены, дорогая мебель – все кричит «азиатская бизнес-леди». Но потом взгляд цепляется за чемпионские пояса, фотографии с боев и тренировочные перчатки в углу. Так. Значит, дом все-таки Маршалла. Хотя его трофеи выглядят здесь так же органично, как боксерские перчатки на пианино.

В гостиной царит настоящий бардак. На диване развалился сам Маршалл – уставший, равнодушный, будто его только что вытащили из бассейна с текилой. Рядом крутятся: пижон в костюме, меланхоличная ассистентка, шепчущаяся в телефон, и... горячий накаченный дед в обтягивающей футболке и шортах, который выглядит так, будто его тело – результат сделки с дьяволом.

Если это предвестие оргии – я в деле.

На мое появление никто не реагирует. Даже Маршалл не удостоивает взглядом. Сажусь рядом, чтобы получше его рассмотреть: белая майка, руки, забитые полностью татуировками, тренировочные штаны, взгляд, полный «я бы лучше спал».

А на горле – глаз. Помешанная на эзотерике и разговорами со Вселенной Джен рассказывала, что это символ духовного прозрения, истины, откровения... Интересно, а член тоже весь в эзотерике? Надо будет обсудить с Джен.

– Объяснишь, что происходит? – спрашиваю я, когда наши взгляды наконец встречаются.

– Похоже, что я ебу? – бурчит он, даже не поворачивая головы.

О, понятно. Жесткое похмелье. Неудивительно – вчера в клубе он выглядел так, будто только что выиграл войну с барной стойкой. Нет смысла разговаривать с ним. Нужно искать Мышь.

Вдруг тихо, как ниндзя, снова появляется Мэдисон. И одного ее взгляда хватает, чтобы Маршалл выпрямляется, как солдат.

– Похоже, ебать сейчас будут тебя, – с усмешкой шепчу я.

– Готовь смазку, девочка. Нас обоих, – отвечает он все той же флегматичной интонацией, а потом поворачивается к Мэдисон: – Что на этот раз?

– То, что ты охуел, придурок! – врывается в разговор Секси-дед. Он буквально подскакивает к нам. Ему под пятьдесят, но тело – как у двадцатипятилетнего. Дьявол.

– Митч, – устало протягивает Мэдисон, сжимая кулак так, будто душит невидимого врага. – Можно не сей...

– Профессиональный боец лупит какого-то пьяного ублюдка в клубе! – возмущается Митч. – И теперь с этим надо работать!

– Ты думаешь, я забыла?! – рявкает Мэдисон. – Я как раз этим и занимаюсь!

Даже я замираю, готовая достать попкорн. Это не диалог – это первый раунд.

– Как? – фыркает Митч. – С ее помощью? Ему к реваншу готовиться надо! А одно из главных правил перед боем – не трахаться! А ты привозишь эту девицу!

– Эй! – возмущаюсь я.

Ноль реакции.

Тогда Мэдисон медленно, четко, с ледяным спокойствием произносит:

– Клянусь своей нервной системой, Митч, если ты еще раз скажешь мне про «трахаться перед боем», я приеду в ваш зал, найду самую большую боксерскую грушу и трахну ею тебя в рот, пока ты не заткнешься. Я не лезу в ваши тренировки – не лезь и ты в мои стратегии.

Даааа, девочка. Ты все еще Мышь... но мышь с клыками. Порви его. Хотя... черт... такое тело будет жалко потерять.

Митч лишь машет рукой и отходит, но по лицу видно – он проглотил это, как горькую таблетку.

– Не знаю, какая информация до вас дошла, – начинаю я, когда Мэдисон садится рядом и, кажется, немного успокаивается, – но я не работаю в эскорте.

– Не слушай Митча, – мягче говорит она, бросив взгляд в его сторону. – Он думает только о боях. Но в одном прав: плохо, что профессиональный боец устроил драку с пьяным парнем в клубе. Нужно сгладить. Например... сказать, что он заступился за свою девушку.

Ее взгляд и интонация говорят все без слов.

– Хочешь, чтобы я подтвердила, что мы вместе? – уточняю я.

По ее лицу я понимаю: впервые за день она смотрит на кого-то без желания убить. Редкость для меня.

– Да. Три месяца. Вы – пара. Появитесь там, где нужно. Сходишь на бои. За это заплатят. Грэг, наш юрист, объяснит детали. Подпишешь NDA² – стандартная процедура. И если ты поможешь обелить его имидж, я помогу тебе. У меня связей хватает.

Хм. Если эта Мышь так крепко держит за яйца двух таких мужиков, что они молча глотают ее решения... возможно, авантюра того стоит.

– Это будет прописано в контракте? – спрашиваю я. Голливуд научил одному: слова – пыль. Только бумага – закон.

– Конечно, – кивает Мэдисон, явно радуясь, что имеет дело не с дурой.

Хмыкаю и снова смотрю на Маршалла. Да, с таким в прессе не стыдно. Но в нем чувствуется тот самый пофигизм, будто единственное, чего он хочет, это вернуться в клуб и забыть, что у него есть имя, лицо и обязательства.

– Это черновик, – говорит Мэдисон, забирая бумаги у своей ассистентки. – Посмотри. Потом обсудишь все с Грэгом.

Интуиция орет: «С этим типом будет ад». Он точно не захочет играть по правилам.

Но даже беглый взгляд на контракт дает понять: это мой шанс.

Плевать, что придется воевать с профессиональным бойцом ММА. Да, он может отправить меня в нокаут одним ударом.

Но я – не цветочек в парке, который терпит, пока на него писает чужой пес.

Итак, Фрэнк Маршалл...

Три...

Два...

Один...

Я, конечно, сейчас внимательно прочту контракт, но ты имею в виду: мы все-таки готовим смазку, дорогой. Игра начинается.

² NDA (англ. **non-disclosure agreement**) – соглашение о неразглашении конфиденциальной информации. Это юридический договор, заключенный двумя сторонами с целью взаимного обмена материалами, знаниями или другой информацией с ограничением к ней доступа третьим лицам.

Глава 3. Злость против похмелья, реагировал и идиот

Фрэнк

Боль возвращается первой.

Как будто кто-то засунул мне в череп бетономешалку и включил на полную. Каждый вдох – как удар коленом в ребра. Каждый взгляд – как игла под глаз.

Лежу, съевшись из этого цирка, которым правит Мэдисон. Нет сил вникать, зачем дома трутся юрист, чьи-то ассистенты и эта Рыжая из клуба. Слишком хреново, чтобы воспринимать все, что они хотят от меня. Сейчас я способен лишь на одно: лежать. Спина прилипает к простыне, одна рука за головой, другая свисает с кровати, будто пытается уползти от меня. Шторы задернуты, но свет все равно режет, как лезвие. Видимо, вчера я забыл их закрыть. Или просто был слишком пьян.

Вчерашний вечер – куски. Обрывки. Как фильм, который перемотали и вырвали половину сцен. Но все равно зачем-то пытаюсь восстановить картину.

Музыка. Толпа. Запах духов, пота и алкоголя. Кто-то орет. Кто-то смеется. А потом – этот голос. Резкий. Язвительный. Женский.

И лицо.

Она.

Но я только сегодня узнал ее имя. И то не уверен в нем полностью. Точно не знал тогда. Просто – горячая девчонка. Та, что кричала на какого-то придурка у бара. Красивая. Злая. С глазами, будто вырезанными из битого стекла.

Прям пламя среди этой пьяной шатающейся массы.

А потом – он. Придурок в розовой рубашке. С жирной физиономией и руками, которые не знают, где им место. Хватает ее за запястье. Она вырывается. Он хохочет. И говорит что-то вроде: *«Ты же шлюха из ТВ – не делай вид, что тебе не нравится»*.

И тут... что-то щелкает.

Не в голове. Ниже. В животе. В кулаках.

Не помню, как подошел. Не помню, что сказал. Помню только – удар. *Мой*. Его челюсть под кулаком. Звук – глухой, урод, как мешок с грязным бельем, шмякнулся на пол.

После – тишина. Потом – крики. Вспышки телефонов. И она... стоит рядом. Смотрит на меня не с благодарностью, а с таким выражением, будто я только что испортил ей идеальный план по собственноручному уничтожению этого дерьма.

«Я бы справилась!» – говорит. И уходит.

А я остаюсь. С кулаком, который сам решил, что делать. И вопросом, который жжет хуже похмелья:

Какого черта я вмешался?

Я не герой. Не рыцарь. Не тот, кто спасает принцесс из клубов. Я – боец. Моя работа – ломать челюсти по контракту, а не потому что какая-то незнакомка показалась мне... не знаю. Слишком яркой для этого дерьма.

Блять, Маршалл... Допился в край.

Телефон вибрирует на тумбочке. Хватаю его, почти не глядя, стараясь не заикливаться на мысли. Сообщение от Дэна. Ладно, хоть друг точно не будет делать мозги. Открываю переписку.

Ты как? Что у тебя происходит бро?

И скрин. Чертов скрин из моей истории в социальной сети.

Гребаные «извинения от моего имени». Все красиво. Все правильно. Только я этого не писал. И не подумал бы. Потому что вчера я не думал вообще. Я реагировал.

Как зверь. Как идиот.

Блять.

– Мэдисон, – произношу и чувствую, как гнев побеждает похмелье.

Даже нахожу силы поднять задницу и пойти на ее поиски, прихватив с собой телефон. И вскоре нахожу в гостиной в компании все той же девицы. Что-то, блять, обсуждают с серьезными лицами. Но не до них. У меня лишь один вопрос:

– Какого хера, Мэдисон?

Она будто не обращает на меня внимания, возится со своими бумажками, что-то говорит этой Рыжей.

– Тебе повезет, Фрэнк, если этот придурок не подаст на тебя в суд, – говорит она. – Публичные извинения – ерунда. Судебные издержки – совсем другое не только для кошелька, но карьеры. – И потом добавляет, как ни в чем не бывало: – Знакомся: твоя девушка – Кристалл Этвуд. Вечером объясню, как вы «встречаетесь».

– Чего?

И это все, на что меня хватает. Какая к черту девушка? Разрыв с одной уже закончился таким дерьмом, что расхлебываю до сих пор. Таращусь на эту рыжую, потом на Мэдисон, которая что-то говорит.

Но слова не доходят. Похмелье снова берет верх и чувствую, как меня вот- вот вырвет. Мэдисон о чем-то треплется с девчонкой, пытаюсь понять, но реальность уже не доходит.

Вот- вот блевану.

– У тебя выпивка есть? – вдруг спрашивает Рыжая. Кристалл? Как там ее?

И одна лишь мысль о бухле усиливает желание обняться с унитазом.

К счастью, вмешивается Митч. Как, блять, к счастью?

– Только рискни, придурок!

Вот сейчас надо взять себя в руки. Блевану при Митче, он же меня это сожрать заставит. И неважно, что нахожусь в собственном доме. Но он отвлекается на Рыжую.

Как же громко они говорят... Как же ты надрался, Маршалл? Блять, если переживу этот день, то...

Просто переживу этот день. Что-то мне ничего не видится на горизонте будущего даже на ближайшие пару часов.

– Пиздуй в зал, – вдруг отвлечшись от Рыжей, рывкает Митч.

Мысли, сука, что ли читает? Определил ближайшее будущее с точностью, которой позавидовали бы опытные сраные букмекеры.

– Дам твоей энергии другое применение.

А нет, просто все еще злится.

– Митч...

Слова слетают с языка, и сразу жалею о них. Особенно о сраной интонации побитой собаки. Даже его взгляд матерится, когда он говорит «не понял».

Мне остается только идти в зал.

Зал – мой единственный храм.

Единственное место, где боль не враг, а язык. Где я могу говорить без слов. Где все, что внутри – выходит через кулаки, ноги, пот и треск сухожилий.

Включаю свет. Слишком яркий. Морщусь, но не выключаю. Пусть режет. Хуже уже не будет. Подхожу к груше. Не разминаюсь. Не сегодня. Просто без спешки вхожу в ритм – левый, правый, хук, апперкот. Каждый удар – ответ на вопрос, который я не хочу задавать вслух.

Какого черта ты вмешался?

Бах.

Потому что этот ублюдок сам напрашивался получить по морде, а мне очень хотелось вмазать.

Бах.

Потому что весь вечер думал и жалел себя, как школьница, которую впервые бросил парень.

Бах.

Пот стекает по вискам. По спине. В горле – першение, как будто проглотил стекло. Похмелье не прошло. Оно просто отступило, давая дорогу злости. Злости на Мэдисон, которая уже штампует мне новую жизнь, как наклейку на бутылку. Злости на Митча, который знает меня лучше, чем я сам. И злости на ту рыжую – Кристалл, черт ее дери, – которая стоит в моем доме, будто принцесса, а говорит, как солдат.

И теперь Мэдисон хочет, чтобы я играл в любовь?

Пиздец.

Думаю об этом и хочу нажраться снова, забыться, но...

Но сейчас бухать нельзя. Потому что Мэдисон уже имеет меня во всех позах, а мне остается только ослабить задницу.

Замедляю темп. Дышу глубже. Руки дрожат от адреналина, который до сих пор не выветрился. И, возможно, от похмелья.

Ловлю грушу. Выдыхаю. Во рту чертов сушняк. Воды нет.

Блять...

Подхожу к зеркалу. Взгляд – мутный, но глаза горят. На шее – тату с глазом. «Видеть истину», как говорил тот старик в Таиланде, где я тренировался после первого поражения. Тогда я думал, что это про ринг. А теперь понимаю – это про жизнь.

Истина в том, что я устал.

Устал от образа «плохого парня», который все ждут от меня.

Устал от того, что каждый мой шаг – либо скандал, либо пиар.

Устал от того, что даже в собственном доме я не могу просто... быть.

Но выхода нет. Реванш с этим ублюдком скоро. Контракт с промоутером – железный. И теперь еще эта фальшивая пара с девчонкой.

Хотя, может, красotka рядом со мной лишней и не будет, учитывая всю нашу историю с Натаном. Снимаю перчатки. Бросаю их в угол. И зачем-то представляю, как он и Элли в обнимку ходят по всем мероприятиям перед боем.

Что дальше, Фрэнк? Так и будешь запивать мысль, что твоя девушка когда-то обручилась с твоим главным соперником? Что после этого ты еще и просрал ему титульный бой?

Какое же, сука, унижение...

И теперь остается лишь одно: дальше – драться. Не только в ринге. Но и с этим новым дерьмом, которое мне подсунули. Если Мэдисон хочет, чтобы я играл роль «парня», пусть. Но по моим правилам.

Потому что одно я знаю точно: я не позволю никому – ни ей, ни Митчу, ни этой чертовой рыжей – превратить меня в декорацию.

Я – боец.

И если уж играть в эту игру, то до конца.

Даже если придется целовать эту проклятую «девushку» для папарацци.

Хотя...

Черт.

Она и вправду горячая. И это надо использовать...

Глава 4. Спасение мужиков, сраная фиалка и пожелания для сна

Кристалл

Не заводить отношений на время этого фарса.

Не рассказывать никому о контракте.

Пресса. Соцсети. Публичные выходы.

Бла-бла-бла. Стандартный набор для любого, кто хоть раз попадал под прожекторы. После «Холостяка» все это звучит скучно и предсказуемо, но что-то все равно напрягает. И дело даже не в Маршалле... хотя, черт возьми, в нем.

Ловлю себя на том, что снова и снова возвращаюсь мыслями к нему. Он не классический сказочный принц. Есть в нем что-то первобытное, грубое, неотполированное, как у зверя, который еще не понял, что попал в клетку. И в этом главная проблема. Зверь в клетке – непредсказуем.

Но условия нашего «романа» – неплохие. Даже слишком. Деньги, пиар, доступ к связям... Все выглядит слишком хорошо. А мы все знаем: бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Особенно в Лос-Анджелесе, где каждая улыбка – инвестиция, а каждый комплимент – долгосрочный кредит.

Вот уже пять минут я сижу, вертя ручку между пальцами и вчитываясь в окончательную версию контракта. Мэдисон и Грэг наблюдают за мной, будто я – бомба с таймером. Им, видимо, не привыкать ждать.

– Что не так? – наконец не выдерживает Мэдисон.

Ага. Первая трещина в маске.

Хороший вопрос. Что не так, Кристалл?

– Не знаю, – честно отвечаю я.

Смешно, но я уже решила подписать. Уже настроилась на этот абсурдный дуэт с Маршаллом, который наверняка будет упрямится. Но в момент, когда ручка касается бумаги, меня накрывает: после этого пути назад не будет.

Не зря Люцифер в том сериале выбрал именно Лос-Анджелес. Город контрактов, сделок с дьяволом и продаж душ – все под видом «возможностей».

Мэдисон пытается улыбнуться. Наверное, хочет показаться «располагающей». Получается – как у человека, который только что проглотил лимон и хочет это скрыть.

– Можешь не выдавливать эту улыбку, Мэдисон, – хмыкаю. – Я прекрасно понимаю, что ты сейчас хочешь взять боксерскую грушу и трахнуть ею всех в этой комнате.

Ее лицо мгновенно расслабляется. Наконец-то – правда.

– Грэг, оставь нас на минуту, – говорит она.

Я задумываюсь: какие демоны сейчас вырвутся наружу? И, честно – эта Мышь начинает меня пугать.

Пока Грэг уходит, я снова пробегаю глазами по пункту об «обелении»: милые фото для папарацци (пусть девочки мечтают, что это они в его руках), благотворительность (потому что добро – это тренд), поддержка в соцсетях (она напишет, я лайкну, мир поверит).

Все типично. Прозрачно. Безопасно.

– Ты не та, кого я бы выбрала на роль девушки Фрэнка, – прямо говорит Мэдисон. – Мне нужен был кто-то спокойный. Подконтрольный. Кто улыбается по команде. Но обстоятельства сложились так. И я работаю с тем, что есть.

Она смотрит на меня, как на неудобный, но полезный инструмент.

– Вы двое – как бензин и зажигалка. Это меня напрягает. Но ты не выглядишь идиоткой. У тебя за плечами реалити-шоу, пара второстепенных ролей в сериалах уровня «почему это еще не отменили?», и кое-какие бонусы. Этот контракт – твой шанс. И ты прекрасно знаешь: о тебе заговорят. Если в тебе есть хоть капля таланта – ты взлетишь.

Она делает паузу. Продолжаю держать лицо сучки, но каждое слово Мэдисон находит во мне отклик.

– Кристалл, не делай вид, что тебе это нужно меньше, чем Фрэнку. Твои дела тоже идут... не лучшим образом.

Три из трех. С первой попытки. Да уж... Маршалл нашел себе шикарного менеджера...

И возразить нечего – любые слова прозвучали бы жалко.

Но вдруг до меня доходит главное: интересы Маршалла – выше всех. Всегда. Выше моих. И именно это занимает первую строчку в списке того, что меня напрягает. Значит, надо быть начеку. В каждой детали. В каждом слове.

И эта приторная вежливость, от которой хочется вымыться с хлоркой, тоже часть игры.

– Раз уж обстоятельства так сложились, – говорю я, делая воздушные кавычки, – давай общаться без этих улыбок и игр в благородных девиц.

– Я не против, – почти улыбается Мэдисон. – Подпиши уже.

И тут добавляет, как будто между делом:

– Ты была одна в «Авалоне»?

– С подружкой. Но она ничего не скажет.

– Скинь ее номер. Я сама поговорю.

Киваю, расписываюсь в трех экземплярах и уже собираюсь спросить: «Что дальше?», как в комнату врывается он.

Маршалл.

– Какого хера, Мэдисон?! – рычит он, размахивая телефоном.

Похоже, даже похмелье не спасло его от новостей. Он двигается резко, как будто весь мир – его противник. Волосы растрепаны, глаза – красные, но взгляд – острый, немного безумный. И в этом взгляде – только раздражение и упрямство.

Мэдисон спокойно собирает документы и смотрит на него так, будто он – не гора мышц с желанием все сломать, а просто надоедливый комар.

– Тебе повезет, Фрэнк, если этот придурок не подаст на тебя в суд, – говорит она. – Публичные извинения – ерунда. Судебные издержки – совсем другое не только для кошелька, но карьеры.

Потом поворачивается ко мне:

– Знакомься: твоя девушка – Кристалл Этвуд. Вечером объясню, как вы «встречаетесь».

– Чего? – Маршалл уставился на меня, будто видит впервые. Или, может, ранее решил, что я – галлюцинация после вчерашнего. Его взгляд скользит по моему лицу, потом ниже – не похотливо, а оценивающе, как будто решает: «Эта или нет?»

Не опускаю глаза. Пусть знает: я не из тех, кого можно проигнорировать.

– Познакомьтесь. Я скоро вернусь, – говорит Мэдисон, собирая папки. – И без глупостей. Оба.

Голос – лед. Взгляд – сталь.

Вот куда ты влипла, Кристалл? Сменила один дурдом на другой...

– Жду номер подруги. Как ее зовут?

– Джен. Дженифер Купер.

Мэдисон кивает и выходит.

Мы с Маршаллом остаемся наедине и уставляем друг на друга, как два ребенка, которых впервые оставили без няни. Он стоит будто не понимает реальность. Замечаю, как под

кожей играют сухожилия. Этот человек не знает, как быть спокойным. Даже в тишине он напряжен.

Да уж, Кристалл, достался тебе неадекватный боец ММА, способный вырубить одним ударом. И что с ним делать?

– У тебя выпивка есть? – спрашиваю я, понимая, что это надо запить. Так сказать, отпраздновать чертов контракт.

– Только рискни, придурок, – внезапно раздается голос за спиной.

О, привет, Секси-дедуля. Мы тебя ждали.

Митч подходит слишком близко, нарушая личное пространство так, будто оно принадлежит ему. Хотя с телом итальянского киллера, взглядом мафиози и задом, от которого, наверное, до сих пор девчонки теряют голову, его сложно осуждать. Наверняка Дедуля все еще в игре и натягивает девиц вдвое моложе.

– Если подойдешь еще ближе, окажешься уже на мне, – предупреждаю я, не отступая.

– А ты только этого и ждешь, – самодовольно усмехается Митч, пройдясь по мне оценивающим взглядом.

– Прости, но я уже подписала контракт, – с притворным сожалением пожимаю плечами.

– Ебанутые бабы меня больше не интересуют. Был женат на такой, – хмыкает Митч, и в его глазах мелькает что-то странное.

– Какая жалость, – театрально вздыхаю я, оглядываясь в поисках бара.

Появляется ощущение, что я героиня порно, которую сейчас будут драть накаченные отец и сын. Хотя сон бы вышел интересный. Может, стоит ждать в одну из ближайших ночей?

– Пиздуй в зал, – рявкает Митч на Маршалла, вырывая меня из размышлений. – Дам твоей энергии другое применение.

– Митч... – устало протягивает тот, нахмурившись так, что мне становится почти жаль. Почти.

– Не понял, – холодно говорит Митч, и Маршалл сдается:

– Уже иду, тренер...

Я уже собираюсь вернуться к вопросу выпивки, но Митч преграждает мне путь, скрепив руки на груди. Неужели Дедуля решил поиграть в учителя? Ну просто прелесть. Ладно, посмотрим, что из этого выйдет.

– Слушай, как там тебя?

Начало шикарное. Но взгляд «Секси-дедули» слишком серьезен. Да он, кажется, действительно не знает моего имени. А откуда ему?

– Кристалл, – представляюсь я.

– Митч, – сухо бросает он. – Не знаю, что там затеяла Мэдисон, но Фрэнк – неплохой парень. Только просирает свой талант. Не усугубляй. Выпивка, девицы, скандалы... В одном Мэдисон права: он ходит по лезвию.

Как мило: они ругаются, а потом признают правоту друг друга перед другими людьми. Высокие отношения в команде, понятные лишь избранным. Чем дольше общаюсь с ними, тем сильнее крепнет мысль, что тут модель «папочка, мамочка и сынуля-раздолбай». Теперь интересно, какая роль отведена мне в этом пиар-дурдоме.

– Я буду делать то, что прописано в контракте, – твердо заявляю. – Нячиться с вашим малышом Фрэнки у меня желания нет.

Мне надоели мужики, для которых ты должна стать спасением и светом во тьме. Перед нами взрослый лоб под тридцать. Если он не в состоянии взять свою жизнь под контроль, то чего вы хотите от меня? Адекватной поддержки, чтобы и меня не засосало в его болото? Окей. Но взваливать его на свои плечи и героически тащить через жизненные невзгоды – идите в задницу.

– Просто не бухай с ним и далее по списку.

Голос Митча звучит мягче, уставше. Наверное, их с Мэдисон сильно помотали скандалы с Маршаллом.

– Мне это тоже ни к чему. Будь спокоен, – заверяю я и задумываюсь: а как тяжело будет ладить с пьяным Маршаллом? Наверное, действительно лучше держать его от бутылки подальше, учитывая, что я видела в клубе.

Говоря это, я искренне верю, что мои слова приободрят Секси-дедулю, но он лишь усмехается чему-то своему и идет в том же направлении, куда скрылся Маршалл. Меня оставляют одну – и это хорошо, можно все спокойно обдумать. Но черт побери, где в этом доме хранится алкоголь?

Алкоголя в доме нет.

Точнее – его нет в свободном доступе. Наверняка Секси-дедуля и Мышь заранее все спрятали. Но я не сдаюсь. Если у Маршалла нет заначки где-нибудь за трофеем или под ковриком для йоги (ха!) – я официально разочаруюсь в нем как в мужчине.

Бродя по дому, не лезу в шкафы с видом частного детектива – просто осматриваюсь. Вдруг повезет. Но вместо водки взгляд цепляется за интерьер. Светлый, вылизанный, с дорогим стеклом и книгами, которые явно никто не читает. Это не дом Маршалла. Это дом Джен после третьего курса психологии и подписки на «Architectural Digest»³. Он здесь – как медведь в спа-салоне. Либо бывшая все обставила, либо ему плевать. А плевать – это мужской стандарт. Ремонт? Стрижка? Обновить гардероб после расставания? Да ладно, это для тех, кто еще верит, что мир замечает их боль. А Маршалл, кажется, сейчас верит только в пьянки.

– И что хочешь найти?

Голос за спиной застаёт меня врасплох. Я вздрагиваю и чудом сдерживаю поток ругани, который уже готов вырваться наружу. Рядом – Маршалл. Без майки, в шортах, весь блестящий от пота, как будто только что вышел из сауны, где парился в собственном раздражении.

И да, конечно, я смотрю. Не потому что хочу. Просто невозможно не смотреть.

На шее – тот самый глаз, но теперь я вижу: он вписан в круг с латынью, спускающийся ниже – «Vide et tace». На животе морда то ли пантеры, то ли черной кошки. Грудь украшает крест, но не тот, что висит над кроватью у бабушки. Угловатый, почти языческий, будто его вырезали не иглой, а лезвием после драки в подворотне.

А по боку, исчезая под резинкой шорт, – цепь. Немногочисленная незабитые участки кожи – темные, потрескавшиеся от солнца и шрамов, но татуировки качественные.

Нет сердец с именами бывших. Нет крыльев «маме». Нет глупых цитат ...

И да – член, скорее всего, тоже покрыт эзотерикой. Может, там мантра? Или QR-код, ведущий на его OnlyFans?

– Мне скучно, – выпаливаю я, приказывая себе перестать пялиться на тренированное мускулистое тело.

– И? Мне тебя развлекать? – огрызается он, и в его голосе – усталость, смешанная с желанием послать меня куда подальше.

Поздно доходит: я прозвучала как капризная принцесса, ожидающая фейерверков. Ну и пусть. Уже не важно.

– Ты уже развлек, – хмыкаю я, намекая на вчерашний клуб и его «героический» удар в челюсть тому уроду. – Не забывай, из-за кого мы теперь танцуем перед твоим менеджером.

– Знаешь, ты могла бы и поблагодарить, что заступился за тебя! У меня херова туча проблем из-за этого! – рычит он, и в этот момент выпускает на волю всех моих внутренних демонов.

³ **Architectural Digest** – американский ежемесячный журнал об архитектуре и дизайне интерьеров. Издаётся издательством Condé Nast.

– Я тебя не просила! – отрезаю. Его лицо мгновенно вытягивается, будто он впервые слышит, что не все девчонки мечтают о спасении от пьяного придурка. – У меня все было под контролем. Если бы не ты, я бы просто дала ему по яйцам. Это первое. Второе: тоже мне принцессу в беде нашел! Бухой принц без коня, без короны, без даже нормального чувства такта. И третье: серьезно? Ты думал о моей безопасности? Самому себе не ври, Маршалл! Ты был в говно, увидел цель и вмазал. Не из благородства. Из-за рефлекса. Так что не перекладывай на меня свою вину за то, что ты не умеешь держать кулаки при себе.

Пару секунд мы разъяренно палимся друг на друга, и мне начинает казаться, что он сейчас вмажет мне так, что я отлечу к стене. Но, к счастью, с психикой Маршалла, видимо, все было в порядке. Его взгляд смягчается. Точнее, становится потерянным. Он не знает, что ответить.

Один – ноль, дорогой.

– Фрэнк!

Голос – как удар хлыста. Мы оба поворачиваемся. Перед нами – Митч. Влажные волосы, голая грудь, шорты, одна рука в «лапе», вторая – свободна, но все равно напряжена. Пресс, тату с крестом, надпись на груди – что-то про честь или ад. Секси-дедуля в лучшем виде.

– Ты за водой шел? – спрашивает он, переводя суровый взгляд с меня на Фрэнка. – Слюнями пол не залей, девочка, – добавляет с самодовольной ухмылкой, будто я уже мокрая от одного его взгляда.

Хотя количество горячих мужиков с шикарными телами в этом доме зашкаливает. Кажется, начинаю понимать интерес Джен к ММА.

– Не для меня роза цветет, – вздыхаю с притворным сожалением. – Я помню.

Секси дедуля добродушно смеется. Черт, с ним было бы веселее играть в отношения.

Маршалл уходит по коридору. Я остаюсь с Митчем. И замечаю: он оценивает меня. Не похотливо – профессионально. Как тренер, который решает, стоит ли брать новую грушу.

– Ты тоже ничего, – говорит он.

Презрительно фыркаю на столь скромное описание себя.

– Я шикарна, – заявляю, отбрасывая волосы и гордо шагая мимо. Правда всегда за мной.

Сзади – тихий, теплый смех. И я невольно улыбаюсь. Черт.

Скука.

Настоящая, липкая, как старый лак для ногтей. Меня разрывает от нее. Хочется кричать, бить посуду, звонить Джен и требовать, чтобы она немедленно привезла что-то вкусное и историю про нового любовника. Часть меня хочет драматично уйти, заявив, что такое ожидание – оскорбление. Но это не свидание с очередным актером второго плана. Это шоу-бизнес. Где мое имя – пока что просто красивый звук, а я – лишь человек, который ждет, пока другие решат, достоин ли ты быть замеченным.

Но вот появляется Мэдисон. И я почти рада. *Почти*. В очередной раз это сраное почти.

Радость длится три секунды. Потому что начинается:

– Вы познакомились на вечеринке его друга...

– Сначала флиртовали...

– Потом решили скрыть отношения...

– А потом появился злодей, посмеявшийся прикоснуться к сокровищу Маршалла, воспылавшего нежнейшими чувствами...

Бред. Полный бред. Сценарий для «Нетфликса», где накаченный красавец с детской травмой и горячая рыжая бестия влюбляются среди драк, слез и благотворительных гала-ужинов. Чтобы подростки мечтали, что их тоже спасут из клуба и сделают знаменитыми.

– Это какой-то бред, Мэдисон! – рывкает Маршалл.

Согласна. Но его нежелание принимать реальность – ту, которую он сам и создал – уже бесит. Просто сделай, как сказали, и забудь. Королева драмы – это моя роль, но даже я сейчас сцепляю зубы и собираюсь работать.

– Не заставляй меня снова все объяснять, – холодно произносит Мэдисон, глядя так, будто может придавить взглядом. – Сейчас вы выйдете погулять. Кристалл, ты выглядишь хорошо – просто поправь волосы. Фрэнк, переоденься. Майку замени. Или хотя бы накинь что-то сверху.

Он смотрит на свою майку, как на приговор. Вздыхает. Как будто его отправляют не на прогулку с горячей девушкой, а на допрос в ФБР.

– Просто погуляйте. Как пара. Но без излишнего романтизма, – добавляет она.

Я мысленно закатываю глаза. Звучит как инструкция от продюсера «Холостяка»: «Улыбайся, но не слишком. Держи за руку, но не целуй. Люби, но не всерьез».

Но да ладно. Это просто роль. И я знаю, как делать эту работу.

Мы идем всего пять минут – и это выглядит как казнь.

Маршалл шагает по узкой тропинке в парке, будто его водят на прогулку из тюрьмы: плечи напряжены, взгляд уперт в землю, руки глубоко в карманах. Вокруг – ухоженные газоны, старые пальмы, пара йогов вдалеке, растягивающихся под солнцем, как коты на подоконнике. На дорожках – мамы с колясками, туристы с кофе, парочка хипстеров, обсуждающих, видимо, смысл жизни.

Идеальное место для «спонтанной» прогулки знаменитой парочки.

Только вот Маршалл ведет себя так, будто его заставили прийти сюда под дулом пистолета.

Ни улыбки. Ни взгляда. Ни даже попытки сделать вид, что рядом – не случайная статистка, а его «девушка», за которую он вчера чуть не устроил разгром в клубе.

– Можешь сделать лицо менее похоронным? – спрашиваю, не выдержав. – Собачники по утрам с более радостными рожами дерьмо собирают.

Он тут же «улыбается». Все зубы наружу. Глаза – ледяные. Похож на Джокера после трех бутылок текилы и ночи в камере.

Комментировать не стану. Не хочу усугублять. Вместо этого обращаюсь к его здравому смыслу. Надеюсь, в этой черепной коробке что-то есть.

– Тебе это тоже надо, – говорю, вставая перед ним, преграждая путь и тут решаю, что этого недостаточно. Мне нужна чертова конкретика. – В чем твоя проблема? Говори прямо. Здесь и сейчас.

Маршалл пытается обойти. Я – нет. Рефлексы работают. Где-то вокруг – папарацци. Нельзя позволить себе слабость.

– Хватит от меня бегать, фиалка сраная, – цежу сквозь зубы. – Говори, как есть. В чем дело? Это не просто нежелание играть роль. Что-то еще.

Не успеваю заметить, как хватаю его за предплечья, ощупывая напряженные мышцы, будто ища ответ под кожей.

И тут он... смеется.

Не усмешка. Не хмыканье. А настоящий, истеричный, почти безумный смех. Стоит посреди двора и ржет, как будто я только что сказала что-то гениальное.

Я молчу тридцать секунд, пытаюсь понять: это похмелье? Травма? Или он просто сошел с ума?

– Сейчас я тебя ударю, – предупреждаю. – Seriously. Или Дедуля уже по голове заехал? Объяснения у меня больше нет.

– Ты, когда так воинственно настроена, с рыжими волосами и этим макияжем... – сквозь смех говорит он, – похожа на белку-драг-королеву. Именно так она выглядела бы, если бы переделась в человека.

Я выпадаю из реальности.

Черт. Теперь это образ навсегда в моей голове. Белка. Сука. Драг. Королева. И вопрос: «В чем проблема Маршалла?»

Он пожимает плечами и, пользуясь тем, что я все еще в шоке от этой картины, проходит мимо.

Отлично.

Теперь мне будет сниться не оргия с Митчем, а белка-драг-королева.

И я точно не хочу этого видеть.

И на сегодня – хватит. Я пыталась.

Пусть Маршалл сам разбирается со своими демонами.

В конце концов, я его фальшивая девушка, а не нянька. И не психотерапевт.

Глава 5. Бесит, шоу и разминка

Фрэнк

Блять, реально – в чем моя проблема?

Сам же решил еще несколько часов назад: эта красотка рядом не будет лишней. Контракт – контрактом, но если уж играть роль, пусть хоть глаз радует. А она – чертовски радует. Хотя характер, кажется, дерьмо. Но не суть. Не разговоры с ней вести. Но... стоило выйти в этот парк – и захотелось все послать. Прямо здесь. Прямо сейчас.

Ходим, как два идиота. Она – с видом королевы, которая терпит мое присутствие из жалости. Я – выжидая этих ебанных папарацци, которые уже, наверное, сидят за каждым кустом с телеобъективами размером с мою ногу.

Бродим, наблюдаю и вдруг осознаю: блять, эта Рыжая – настоящая хищница.

Не та, что ловит взгляды и ждет, пока ее заметят. Сама выбирает цель. Подходит. Не просит – берет. Взгляд у нее – не «посмотри на меня», а «я уже решила, что ты мой».

Такие, как она, приезжают в Лос-Анджелес не за мечтами. Они приезжают брать. Славу, связи, возможности – неважно. Главное – не уйти с пустыми руками.

И я ей не нужен как человек. Я – инструмент. Как и она – для меня.

Все так, как и должно быть.

Только почему тогда меня бесит, что она так легко играет эту роль? Почему бесит, что не просит, не ноет, не делает вид, что «влюблена»? Она просто... делает. Отыгрывает по сценарию Мэдисон. Как будто знает: если ты не можешь быть настоящим – будь убедительным.

И черт возьми, она убедительна.

И именно *это* и бесит. Больше всего. Что я не могу так же просто влиться в эту игру. Что она играет лучше. Мне надо думать о бое. О весе. О том, чтобы снова заставить мир называть меня бойцом, а не «тем парнем, который устроил драку в клубе из-за девчонки», «тем парнем, который остался без пояса и девушки».

Даже если бой – проходной. Даже если это просто еще один раунд в списке.

Потому что это все, что у меня осталось. Что я еще не потерял до конца.

Октагон. Пот. Боль. Победа.

А не эта игра в любовь, где я – плохой актер, а она – звезда, которая уже получает стоячие овации в моей собственной гостиной.

Рыжая идет рядом – не слишком близко, но и не так, чтобы можно было сказать: «мы чужие». Все выверено. Каждый шаг, каждый поворот головы, будто заранее продуман для кадра, который кто-то уже делает из-за деревьев. Будто делает это постоянно.

Хотя кто ее знает?

Большинство, с кем мне приходилось «играть» на публике, лезут в объятия, хватают за руку, строят глазки, будто пытаются убедить не камеру, а самих себя, что это правда. Она – нет. Просто присутствует. Спокойно. Твердо.

И это не просто бесит, это заставляет задницу полыхать.

Потому что чувствую: она не нуждается в моем одобрении. Ни для имиджа, ни для самооценки. Отчего я напрягаюсь, лишь наблюдая за ней. Как контролировать эту Рыжую, которая не стесняется задавать вопросы в лоб? Хотя, может, такой подход и к лучшему. Но не стоит забывать другого: она здесь не ради меня – она здесь ради цели. И... блять, в этом есть странная честность, которую я не встречал давно. Может, никогда.

Вдруг ловлю себя на том, что перестал думать о весе. О диете. О том, как Митч будет орать завтра утром. Вместо этого смотрю, как солнце играет на ее рыжих волосах, как она чуть приподнимает подбородок, когда замечает объектив. А я стою как придурок и четко осознаю, что даже диалог построил с ней идиотский.

Утро. И даже без похмелья. Все-таки приятно вставать, когда твоя голова на раскалывается на части, а ты помнишь прошедший день.

Солнце еще не решило, стоит ли вообще вставать, а я уже в зале. Потому что если не здесь – то где? В постели с мыслями о том, как я справляюсь хуже Рыжей? Нет. Лучше пот, боль и крики Митча.

Он встречает меня у входа, как всегда – с кофе в одной руке и издевкой в другой.

– Ну что, принцесса, выпался после романтической прогулки? – хмыкает он, оглядывая меня с ног до головы. – Или дать тебе еще полчаса на макияж?

Молчу. Прохожу мимо.

Пусть говорит. Пусть издевается. Это его работа – лупить меня не только перчатками, но и словами. А моя – проглотить, втянуть в себя и выжать все это в клетке.

Разминаюсь. Боксирую с тенью. Удары – короткие, точные, ничего лишнего. Пот льется, но я не чувствую усталости. Только напряжение. То самое, что накопилось за последние месяцы.

Вдруг спустя минут тридцать вижу, как Митч перекрещивает руки и делает музыку тише. Замедляюсь, перевожу дыхание, беру бутылку и иду к нему.

– Слушай сюда, – он подходит ближе, голос теперь серьезный. – Через три дня – бой. Не чемпионский. Не финал карьеры. Просто... демонстрация. Чтобы все поняли: ты вернулся. И ты готов.

Я устало смотрю на него. Напоминает, как будто я мог это забыть. Но и это замечание держу при себе. Целее буду.

– И если просрешь его Колинзу, то в зал можешь не возвращаться.

И тут даже нечего возразить.

Дариус Коллинз – технарь. Чистый стиль, хорошая выносливость, но без огня. Он никогда не был звездой. Просто надежный парень из второго эшелона, с которым не стыдно сразиться.

– Он даже не знает, зачем его сюда поставили, – говорит Митч, почти с жалостью. – Думает, это шанс. А на деле – просто мешок для тебя. Чтобы ты показал миру: «Я не сломлен. Я не пьяный придурок из клуба. Я – тот, кто через три недели выйдет против Натана».

Натан.

Имя, от которого внутри все сжимается.

Настоящий вызов. Чертов чемпион. Зверь в клетке. Тот, кто разнес троих до меня и ждет снова, чтобы отыметь в октагоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.